

ОБРАЗЫ ПТИЦ В КИТАЙСКОЙ МУЗЫКЕ

Сун Чанлун

*соискатель аспирантуры Белорусского государственного университета культуры
и искусств,
Республика Беларусь, г. Минск
E-mail: 346069662@qq.com*

BIRD IMAGERY IN CHINESE MUSIC

Song Changlong

*post-graduate student of the Belarusian State University of Culture and Arts,
The Republic of Belarus, Minsk*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена образам птиц в китайской музыке и их символике. Цель статьи заключается в выявлении специфики воплощения образов птиц в китайской традиционной и профессиональной музыке. Автор раскрывает их связь с различными элементами китайской культурной традиции, такими как конфуцианство и даосизм. Основное внимание в работе автор акцентирует на раскрытии символического значения образов птиц в китайской музыке. Автором выделяются и рассматриваются две важные подтемы темы «птицы» в китайской музыке: дикие гуси и журавли, вороны и воробьи. Дается характеристика средств музыкальной выразительности, используемых для передачи образов птиц в китайской музыке.

ABSTRACT

The article is dedicated to images of birds in Chinese music and their symbolism. The aim of the article is to reveal the specificity of bird imagery embodiment in Chinese traditional and professional music. The author reveals its connection with various elements of Chinese culture, such as Confucianism and Taoism. The central focus of the article is on revealing symbolic meaning of bird imagery in Chinese music. The author marks out and considers the two important subtopics of the topic “birds” in Chinese music: wild geese and cranes, crows and sparrows. The article describes musical expressive techniques used for transmission of bird imagery in Chinese music.

Ключевые слова: образы птиц (дикие гуси, журавли, вороны, воробьи); китайская традиционная и профессиональная музыка; музыкальные приемы; символика; символическое значение; конфуцианство; даосизм;

Keywords: bird imagery (wild geese and cranes, crows and sparrows); Chinese traditional and professional music; musical techniques; symbolism; symbolic meaning; Confucianism; Taoism.

«Цветы и птицы» — один из основных жанров в искусстве Китая. В китайской поэзии немало произведений посвящено описанию цветов и птиц. В китайской живописи выделяют отдельный вид картин «цветы и птицы». В отличие от классического натюрморта в западном искусстве, с его акцентом на точность формы и реалистичность изображения, в китайской живописи «цветы и птицы» главную роль играет передача внутреннего состояния, передача атмосферы изображаемой художником картины. Кроме того, «цветы и птицы» нередко становятся основными образами в китайской музыке, в этом случае также соблюдается принцип выражения внутреннего состояния композитора. Поскольку в этом случае основным изобразительным средством является звук, при передаче образов традиционно сложились определенные музыкальные приемы. Для достижения желаемого эффекта при передаче впечатления от образов цветов и деревьев композиторами используются различные музыкальные оттенки, а для «изображения» птиц и животных — изменения ритма и мелодической структуры, имитирующие их голоса и движения, раскрывающие состояние живых существ. В то же время, за образами цветов, птиц и т. д. скрываются разные эмоциональные состояния, различные составляющие китайской культурной традиции. Ниже мы подробнее рассмотрим примеры воплощения темы «птицы» в китайской музыке.

В традиционной китайской музыке достаточно большое количество произведений посвящено теме диких птиц. Например, лишь для цитры имеется

широкий ряд мелодий: «Дикие гуси над Пинша», «Осенние гуси», «Гуси пролетают над Хэньяном», «Гуси над крепостью», «Смотрю на чайк», «Утренний полет», «Крик журавля над высокими берегами», «Журавлиная пара у ручья», «Небесный танец журавлей» и др. Среди мелодий для флейты можно назвать «Полет попугая», «Желтый соловей сверкает крыльями», а также мелодии для трубы «Два соловья», «Гуси в небе» и др., песни-кличи «Сто птиц спешат к фениксу», «Морская песнь», мелодии для пипа «Возьму я у моря в руки лебедя», «Дикие гуси над Пинша», мелодии для флейты-чжэн «Ворона зимой забавляется у воды», «Зов желтого гуся», «Охота на гусей» и другие многочисленные произведения.

В теме «птицы» в китайской музыке можно выделить две важные подтемы: дикие гуси и журавли (возвышенные мечты, высокие моральные качества), вороны и воробьи (природные наклонности человека).

Дикие гуси и журавли издревле символизируют в Китае возвышенные мечты и высокие моральные качества человека. В толковании 53-й гексаграммы «Книги перемен» (гексаграмма «Течение») говорится: «В начале шестерка: гусь приближается к берегу, маленькому ребенку страшно, будут толки, хулы не будет. Шестерка вторая: гусь приближается к скале, в питье и пище – уравниленность, счастье...» [3, с. 48]. В «Сборнике об искусстве письма» отмечается: «Дикий гусь – водоплавающая птица, символ движения, подъема вверх, поэтому его часто используют как метафору развития...» [3, с. 49]. Иными словами, уже в древности дикий гусь означал счастье, идеалы и надежды человека. В эпоху Борющихся Царств Ху Цзяо в своей книге «Ху Цзы» писал: «Леопард и тигр еще котятками хотят попробовать мясо других зверей, дикий гусь и голубь, еще не оперившись, хотят увидеть весь мир» [3, с. 51]. В начале последнего периода правления династии Цинь предводитель крестьянского восстания Чэнь Шэн также широко использовал такую метафору. Сравнивая себя с диким гусём, он провозгласил: «Воробьи и ласточки пассивны, а дикие гуси решительны». С этим сравнивали

образ жизни и ценности китайских интеллектуалов той эпохи, поэтому метафора несла в себе глубокий философский смысл. Сравнение с дикими гусями не только указывало на конфуцианский принцип «тренировать тело, быть с людьми, улучшать жизнь в государстве, нести спокойствие в Поднебесную», но и несло в себе даосский идеал «презирать заслуги, подниматься над обыденностью, возвращаться к природе». Отсюда несложно понять, отчего китайские композиторы, и особенно композиторы из числа интеллектуалов, так часто использовали тему диких гусей и посвящали этим птицам свои мелодии. Например, тема «Дикие гуси над Пинша» за три века своего существования была использована в более чем пятидесяти вариациях, была издана в свыше ста различных нотных сборниках и стала одной из самых популярных мелодий для китайской цитры. Это также свидетельствует о том, что в древности музыканты исполняли ее часто, с огромной отдачей. Она напоминала о «светлом осеннем дне, о легком ветре над Пинша, облаках по всему небу и птичьим крике с небес, о летящих без усталости куда-то вдаль гусях ...» [1, с. 26]. В ней воплотились идеалы интеллектуалов, их мысли, моральные ценности и жизненные принципы. Другие мелодии на тему диких гусей также имеют схожий смысл.

Тема диких гусей тесно связана с темой журавлей, однако во втором случае основной смысл заключен не в мечтаниях о свободном полете мысли, а в стремлении к чистоте моральных качеств человека. В Китае журавли всегда предвещают добро. В «Книге перемен» говорится: «Крик журавля в сумерках – это мир и согласие» [4, с. 29]. В древней «Книге песен» есть такие строки: «Крик журавля разносится на многие версты, словно пронизывая небо» [4, с. 34]. Значение процитированных отрывков такое: журавля не видно с земли, но его крик несет добрую весть, что можно сравнить с путем развития «благородного человека» в конфуцианстве. Например, Лао Цзы говорил Конфуцию, восхваляя моральные качества журавля: «Журавль чище солнечного света, а ворон чернее ночи». Поскольку с образом журавля связаны чистота и возвышенность, он

нередко использовался в легендах о даосских небожителях как птица, которая могла донести людей до обители бессмертных. В «Книге о журавле» говорится: «Журавль – солнечная птица, но летает в сумерках. Она – предок, охраняющий потомков своими крыльями, небесный конь небожителей» [4, с. 35]. Здесь журавль упомянут как средство передвижения бессмертных и святых. Приведем отрывок из «Рассказа о путешествии в иной мир»: «Цзюнь Лан отправился на восток, у Реки Упокоения он взлетел ввысь на желтом журавле, увидел бескрайние просторы, затем спустился в облака и оказался в обители бессмертных. Журавль приземлился во дворе, бессмертные предложили гостю угощение, все вокруг радужно сверкало. Гость радостно согласился. Попрощавшись, он вновь сел на журавля и улетел – все растаяло, как дым» [4, с. 36].

Многие ученые в Китае следовали устоям конфуцианства, занимаясь постоянным моральным совершенствованием. Символом этого и стал журавль. Последователи же даосизма стремились уйти от мирской жизни, возвыситься над своими слабостями и стать ближе к природе. В этом смысле журавль как птица небожителей также приобрел для даосов важное символическое значение. В китайской музыке, посвященной журавлю, этот образ используется в двух указанных значениях. Так, мелодия для цитры «Крик журавлей за девять верст» написана на стихотворение из «Книги песен» «Издали слышен плывущий в небесах крик журавлей»: «Журавль – птица небожителей, ее крик ясен и звонок, он слышен на многие версты... Его танец – это танец ветра: взмах крыльев, взгляд в облака... Его голос – волшебное звучание. Есть особенные мгновения для песни и танца журавля. Повадки журавлей известны издревле ... их танец поражает само небо» [4, с. 23]. Великий поэт Су Ши писал в «Воспоминании в беседке о журавле» о чистоте и стремительности этой птицы. В «Паре журавлей у ручья» также переданы идеалы уединения и спокойствия, высоко ценившиеся древними мудрецами. Подобной символикой пронизаны произведения «Пара светлых журавлей», «Возьму в руки журавля» и др.

В китайской народной музыке также нашли воплощение образы других птиц. Хотя их символическое значение уже не столь глубоко, они ярко передают жизненные силы, ощущение восторга и красоты природы. В мелодии для пипа «Возьму я у моря в руки лебедя» изображена охота на лебедей на морском берегу и передан глубокий драматизм картины. Мотив напряженный, подвижный, агрессивный, но слегка шуточный. Ли Кайсянь (эпоха Мин) в книге «Шутки» описывает сцену исполнения этой мелодии на пипа в провинции Хэнань музыкантом Чжан Сюном: «Он тронул струну – и публика почувствовала панику, в зале слышали крик загнанного лебедя ...» [2, с. 35]. Мелодии для флейты «Журавль и голубь» свойственны яркий южно-китайский колорит, особая мелизматика, во фразах здесь звучат внезапные атаки-стакатто, двойные интервалы, трели и другие технические приемы, передающие хлопанье крыльев птиц, фоновые звуки, подчеркивающие основную идею произведения. Кроме того, контроль над интенсивностью атаки при исполнении позволяет передать воображаемую сцену полета птиц – то вдаль, то вблизи от слушателей, то высоко в небесах, то низко над землей, что создает необычайно живую музыкальную картину. Медленный ритм первой части мелодии для флейты-чжэн «Ворона зимой забавляется у воды» подчеркивает шаги вороны по льду, глуповатую, странную походку птицы, создаваемая картина здесь также очень яркая. Во второй части ритм ускоряется, передает проворство ворон и скупую радость птиц холодной зимой. В то же время мелодия напоминает о том, что зима вскоре пройдет, что наступит весна и природа вновь проснется, наполнится жизненными силами. Схожая тема звучит в мелодии «Утка у весенней реки». Зимний холод передан в мелодии «Сорока у сливы-мумё»: сорока забавляется в ветках замерзшей сливы, мелодия ликующая, наполнена радостью жизни. Птичьи голоса непосредственно имитируются в таких музыкальных произведениях, как «Сто птиц поклоняются фениксу», «Желтый соловей сверкает крыльями», «Рассвет», «Соловей несет персик», «Маленький танец» и др. В таких мелодиях передана жизненная сила

природы, ее неиссякаемая красота.

Образы птиц в китайской музыке можно условно разделить на образы в музыке профессиональной (музыка «образованных людей») и народной. В профессиональной музыке основной темой стали моральное совершенствование, возвышенность мыслей, поэтому здесь преобладают образы журавлей и диких гусей. В народной же музыке, в основном, передается радость бытия, изображаются самые различные птицы. Например, указанные выше мелодии для пипа «Дикие гуси над Пинша», для флейты-чжэн «Охота на диких гусей», «Ночной крик диких гусей» передают не важность морального совершенствования, а любовь к родине, любовь к возлюбленной, восхищение жизнью и природой. Через образы птиц здесь воплощается присущий всей китайской культуре дух жизни с ее неизменными законами.

Список литературы:

1. Лю Сянбинь. Процесс формирования культурного самосознания авторов рифмованной прозы о птицах династии Хань // Журнал Цзиньянского университета. – Цзиньян, 2003. – № 6. – С. 25–28. (на кит. яз.).
2. Лю Чэнхуа. Ключевая тема «хуаняо» в традиционной китайской музыке и ее культурные смыслы // Китайская музыка. – Пекин, 2003. – № 2. – С. 35–37. (на кит. яз.).
3. Тан Вэйчжи. Формирование ключевой темы «хуаняо» в Китае и ее культурное содержание // Вестник Нинбоского университета (культура и наука). – Нинбо, 2012. – № 6. – С. 48–51. (на кит. яз.).
4. Чэнь Ян Ян. Исследование поэзии и лирики в жанре «цы», посвященной журавлям, периода династий Тан и Сун. – Нанцзинь: Наньцзинский педагогический университет, 2011. – 42 с. (на кит. яз.)